

Известный
казанский поэт и
прозаик
Рустем Кутуй,
кому в числе
других посвящён
предыдущий
рассказ, отмечает
в этом году своё
70-летие. Трудно
переоценить его
вклад
в русскоязычную
современную
литературу
республики. Он
широко издавался
в Казани, Москве,
Петербурге...
«КА» поздравляет
Рустема
Адельшевича
с юбилеем
и предлагает
читателю подборку
его стихов

ПОЭЗИЯ

Рустем Кутуй

Если б
меня
спросили...

Если б меня спросили,
что я больше всего люблю на свете,
я бы ответил:
– Свет, уходящий из листьев,
устилающий чьи-то следы,
настигающий чью-то печаль.
Я люблю осеннюю родину,
когда деревья, как руки,
поднятые к птицам,
когда к девушке приходит
тихая,
как свеча, закрытая ладонями,
жажда материнства,
когда к юноше приходит
ясный,
обнаженный, как клинок,
свет мужества,
когда седой старик на скамейке
похож на белую глыбу льда.
А солнце стоит,
большое и чистое,
улыбкой счастливого мальчика
между жизнью и смертью.

Жить!

Мне жить и жить, как не напиться из ручья.
Ненасытимый, я даже в бедах и печалях,
спокойствием деревьев заручась,
на склоне затаен, дремлю нечаянно,
без напряженья сердца и плеча, –
как вольно телу на земных пирах!

В стакане так плывет чайнка,
иль пара облаков легонько во дворах
передвигается,
покуда пес цепной на свет взирает чинно,
сам для себя хозяин при дверях.
Так я дремлю и беды отлетают беспричинно.
Вот мальчик егозит туда-сюда –
челнок, юла, прозрачный мотылек,
белейшая панама,
из ночи в день с приступочки крыльца
течет он, словно пламя,
а дальше – к лесу, к озерку ныряет прямо,
и ручейком за ним стремится наша память
морщинами с лица...

Я жить люблю.
Простые посиделки,
вдыхать соленый запах огурца в тарелке, –
люблю и хрена горького лукавые проделки
до слез,
ажурной влагою укроп и лука трубчатые стрелки,
кровь помидоров, взрезанных под пылью перца мелкой
и ветер, будто бы исподтишка, быстрее белки,
влетающий за пазуху... Все тайны естества,
всплывающие, точно острова.

Люблю я видеть женское лицо без грима и побелки,
и хитростей румян, дешевенькой подделки,
как видят луг в сияющей низине,

иль яблоки на травах, не в корзине,
где вечно что-нибудь скользит – пчела иль паучок,
а яблока уж высвечен бочок,
верней, подсвечен чуть худой соломкой, –
и жизнь так хороша, вся в топотках негромких,
что даже пень задумался в сторонке:
пускать прутки иль малость обождать...

Я жизнь люблю,
как в детстве, не горюя, любят мать
ручонками вокруг шеи обвивать,
вдыхая запах хлеба и жилья,
хоть мать темна, как жухлая земля.
Люблю! –
не омрачая лба печатью скорби, –
мать, может, вовсе не мила и плечи горбит,
пугает сухожильями рука...
Но мать есть мать, и нету мамы кроме.
И до сих пор ее душа меня надеждой кормит.

Я жизнь люблю,
как колку свежих дров
и первой изморози вяжущий покров
из кристаллического маленького снега,
когда в крови истаивает нега.

Жить, не ропща, приволье отпуская от себя,
как зеркальцем смеющимся слепа,
и удивляясь не вздохом, а постепенно,
что на земле невидимы ступени,
но как слышна и звучна высота, –
пригни лишь ветвь и пей ее с листа.

Любить и жить!
Не впопыхах, не как-нибудь, –
и чтоб не крест тащить,
а чудный Млечный путь,
как куст, нести, обрызганный дождем.
Так день за днем.

Я живу на земле,
привязанный к ней корнями.
Надо мною клубятся надежды.
Правды вкус солоноват на губах,
как слезы.

Чище кристаллов не видел,
чем слово.
Познаю откровенье –
и такая есть в мире работа –
мозгом костей созидать соборы.

Не без роду и племени
даже куст на ветру лепечет.
На другой земле
был бы сир и ничтожен.

Радость бывает,
будто звезды хрустят на зубах.
Избыть свою жизнь,
изболеть,
перелить,
врасти в продолженье.

Сколько стеблей вокруг меня
сплелось,
сколько звуков прошло горлом.
Жизни лицо
не в оспинах черных,
а в золотинках.

Здравствуй,
день молодой на срезе!
Здравствуй,
стая над головой!
Продолжение,
здравствуй!

Родина

На лице Родины морщин не сосчитать,
прах иноземца тлеет сном бурьяна...
Какую память носит в чреве мать –

дитя глядит светло и странно,
то дико вдруг, а то темно,
и гнев, и своеволие рот ломает...

Отечества другого не дано,
здесь мысль и кровь на алтаре пылают.

О родине особые слова
по капле крови.
Летит звезда. И мать жива.
Добро под кровлей.
Вот хлеб. Вот соль. Лицо в слезах.
Тебя здесь ждали.
Над миром колетса гроза
и освещает дали.

Я в чудный миг был тем и этим –
шел в гору и катился вниз.
Как поседел – и не заметил.
Сияет лед! Блистает жизнь!
Мала?
Но в сладостном мгновенье
в одну картину ветер свил
и детства легонькие тени,
и золотую тяжесть крыл.

Какая бездна за плечами
воркует темною водой?
Что за летания ночами
над фиолетовой грядой?

Старик с улыбкою младенца,
дитя с усмешкой старика, –
как уместила в одно сердце,
слила и вспенила река
весь гнет и свет воспоминаний,
и возраст низвела на нет?
Что там вдали туманом манит?
Чья тень замерзла на окне?

Так чем же бег ее измерить –
огонь и лед в одной горсти!
А позади, как крылья, двери
лишь эхо может развести.
Лишь эхо – снега дуновенье
иль паутины белый шелк.
Жизнь – не мелькнувшее мгновенье,
а соловьиный перещелк.

